

Балтийское небо

Николай Чуковский

БАЛТИЙСКОЕ НЕБО

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(2)

Чуковский, Н.

Балтийское небо / Н. Чуковский – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2020. – 730 с.

ISBN 978-5-521-74865-5

Легендарный роман Николая Чуковского «Балтийское небо» признан одной из лучших и правдивых книг о Великой Отечественной войне. Будучи участником обороны Ленинграда и проведя в городе всю блокаду, Николай Чуковский создал потрясающе достоверное произведение, материалом для которого стала сама жизнь, а героями — люди, с которыми автор делил все тяготы войны в осажденном городе и на Ленинградском фронте. Эта книга о необыкновенном мужестве тех, кто пережил тяжелейшие будни блокады Ленинграда и летчиках авиации Балтийского флота, защищавших Дорогу жизни и небо великого города.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(2)
BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74865-5

© Текст. Н. Чуковский, наследники, 2020
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020
© T8 RUGRAM, 2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА

1

Марья Сергеевна Андреева, маленькая женщина в шерстяном платье, спрыгнула с грузовика у Балтийского вокзала, отряхнула ладошками заляпанную глиной юбку и пошла к трамвайной остановке.

Она больше месяца не была в городе и с тревожным любопытством озиралась, разглядывая знакомую привокзальную площадь. Больше месяца она рыла противотанковые рвы — сначала в Кингисеппском районе, потом к югу от Ораниенбаума, потом, когда немцы заняли Петергоф и Стрельну, возле самого города, за Северной верфью, рядом с заводом пишущих машинок «Ленинград». Всё это время она вместе с десятками тысяч других женщин спала не раздеваясь, на земле, жила под постоянной бомбежкой, под обстрелом среди горящих деревень и вытоптанных полей. Вести из города доходили до нее скудно и редко, и всё же она знала, что с начала сентября город бомбят, что фронт подошел к нему вплотную. Она не совсем ясно представляла себе, каким увидит город, когда вернется, но была уверена, что увидит его изменившимся.

Однако, к удивлению ее, город показался ей обыкновенным и привычным. У вокзала киоски торговали водой с разноцветными сиропами, девочки рисовали квадратики на панели и прыгали, прохожие ели эскимо в шоколаде, милиционерша пританцовывала на углу, застоявшаяся вода Обводного канала была пестра от нефтяных разводов, трамваи скрипели мирно, как всегда. И только в небе, на страшной высоте, среди легких перистых облачков, озаренных солнцем, стлался закрученный, как замысловатый вензель, белый след едва различимого самолета. Марья Сергеевна не знала, наш это самолет или немецкий, но, увидев его, подумала о Коле Серове.

Она решила прежде всего поехать на Васильевский остров к Быстровым, так как знала, что дома ее никто не ждет. Обоих своих детей, Ириночку и Сережу, она еще в начале июля отправила с районным лагерем под Валдай.

Весь июль прожила она одна, дожидаясь эвакуации школы, в которой работала преподавательницей русского языка. Школа должна была эвакуироваться вместе со всеми учащимися и всеми педагогами.

Это ожидание было для Марьи Сергеевны мучительно. Тяжело бездействовать в такое время! Наконец в начале августа день отъезда был назначен, и Марья Сергеевна получила распоряжение явиться в школу с вещами. Но когда она явилась, ей сказали, что отъезд отложен на две недели. И тут же оказалось, что нужно отправить кого-то из учителей на десятидневный срок рыть противотанковые рвы. Марья Сергеевна поспешно вызвалась сама, потому что нестерпимо было сидеть одной в своих пустых двух комнатах, ждать и ничего не

делать. Не заходя домой, она выехала вместе с преподавательницей естествознания Катериной Ильиничной Быстровой.

Десять дней прошли, но смена не прибыла, пришлось остаться. Спустя еще десять дней они с Катериной Ильиничной случайно встретили в окопе одну знакомую работницу Дзержинского района, которая сообщила им, что их школа уже уехала. А еще через две недели, несколько дней назад, «мессершмитт», обстреливая из пулемета противотанковый ров, полный работающих женщин, убил Катерину Ильиничну на глазах у Марьи Сергеевны.

С Катериной Ильиничной Марья Сергеевна была, в сущности, мало знакома. Они преподавали разные предметы, в разных классах. Катерина Ильинична была старше Марьи Сергеевны на десять лет, держалась не без важности и казалась не склонной к сближению. Но за месяц, проведенный вдвоем, они неожиданно сблизились и сдружились. И не потому, что они работали, спали, ели вместе, а потому, что Катерина Ильинична с замечательной нежностью отнеслась к Марье Сергеевне, когда та рассказала ей всю трудную историю своего замужества, своего вдовства и своей новой любви.

С Марьей Сергеевной случилось событие, которое волновало и мучило ее ужасно и к которому она сама не знала, как отнестись. Весной этого года, почти перед самой войной, она, мать двоих детей, неожиданно для самой себя полюбила летчика Колю Серова, с которым познакомилась случайно и совсем недавно и который, к тому же, был несколько моложе ее.

Со своим мужем она когда-то вместе училась в педагогическом институте, он был ее однокурсник, тоже сло-

весник, они, прежде чем пожениться, пережили сложный и возвышенный роман, они глубоко знали друг друга, у них были общие вкусы, общие привязанности, друзья, надежды. Окончив институт, они работали вместе и, наверно, жили бы счастливо, если бы он не заболел туберкулезом. Ему становилось всё хуже, и Марья Сергеевна в течение нескольких лет, сначала с одним крохотным ребенком, потом с двумя, ухаживала за ним, возила его по санаториям, по клиникам, работала до изнеможения, чтобы кормить его как можно лучше, чтобы спасти его. Под конец он стал раздражителен и капризен и относился к Марье Сергеевне с какой-то детской безжалостностью. И всё же она была в отчаянии, когда он умер, и долго не могла прийти в себя от горя. Потом она снова принялась за работу, растила детей, успокоилась, много читала, и ей казалось, что жизнь ее установилась навсегда. Она никогда не думала, что снова может выйти замуж. Жизнь ее была целиком заполнена работой и детьми.

Она была серьезная, скромная, начитанная женщина, и вторая любовь, неожиданная, испугала ее. Он был человек не ее среды — военный, летчик, занимающийся делом, совершенно ей незнакомым. Она встретилась с ним случайно и влюбилась в него так сильно, что никогда даже не подозревала о возможности существования подобной любви. Это была любовь сокрушительная и, главное, независимая от воли Марьи Сергеевны.

И всё же, когда ровно за неделю до войны он предложил ей стать его женой, у нее хватило сил отказать ему. Она отказала ему потому, что у нее было двое детей, и потому, что она была убеждена, что он, несмотря на все

свои ласковые слова, не может любить ее, и, уж во всяком случае, не может любить ее долго. Рассказывая об этом ночью Катерине Ильиничне, она сказала, что это ясно, «как дважды два — четыре». Но она не могла ей рассказать, какая печальная нежность охватывала ее при воспоминании о его больших руках, о его добрых глазах, о его сутуловатости и какая тайная, робкая надежда жила в ней вместе с этой нежностью.

До разлуки они виделись всего раз семь-восемь, не больше. Жил он где-то далеко за городом, на каком-то аэродроме, и свободен бывал только по воскресеньям. В мае и в июне он каждое воскресенье заезжал за нею, и они шли гулять. Эти воскресенья были для нее очень трудны: она стеснялась соседки, стеснялась своей дочери Ириночки, которой уже шел девятый год. Он тоже стеснялся Ириночки, называл ее на «вы» и с застенчивой улыбкой качал Сережу на колене.

Отказав ему, Марья Сергеевна думала, что никогда уже больше его не увидит. Но в глубине души она всё же робко надеялась, что в следующее воскресенье он придет к ней опять. И он приехал, и когда он вошел, она вся просияла. Она не умела скрыть своей радости. Это было 22 июня. Они вместе выслушали речь Молотова. Через час он уехал.

Марья Сергеевна провожала его на Балтийский вокзал и ехала с ним в трамвае вдоль Обводного канала. Он был бледнее обычного, очень тих, молчалив и, пока они стояли на трамвайной площадке, ни на минуту не выпускал ее руки. Она, маленькая, смотрела на него снизу вверх и старалась угадать, о чем он думает, и не могла, и ужасалась тому, как мало его знает.

Потрясенные, они почти не разговаривали. Она вся была поглощена старанием навсегда запомнить его лицо.

На перроне он сказал: «Береги, себя».

Нагнулся и поцеловал ее в губы.

Он вошел в вагон, и поезд двинулся.

Домой она пошла пешком — через весь город, — одеревеневшая от муки.

Она никогда ни с кем о нем не говорила. И только как-то ночью рассказала обо всем Катерине Ильиничне Быстровой.

Они ночевали в сарае; сквозь щели в крыше были видны звёзды. Женщины кругом спали, утомленные за день, и жались во сне друг к дружке от холода. И только они обе не заснули до утра, и Марья Сергеевна всю ночь говорила шёпотом, плакала и говорила. Марья Сергеевна рассказала Катерине Ильиничне обо всем, ничего не скрывая, полная доверия к ней и благодарности за то, что она не спала ради нее всю ночь, и за то, что она отчего-то считала все сомнения Марьи Сергеевны пустяками. Выслушав, Катерина Ильинична с уверенностью старшей и более опытной сказала, что нужно только уметь ждать и они непременно увидятся.

— Если вы оба останетесь живы, — прибавила она.

На другой день Катерину Ильиничну убили...

Марья Сергеевна редко бывала на Васильевском острове и не без труда нашла дом, в котором жили Быстровы. Огромный шестиэтажный дом этот стоял на маленькой, тихой улочке, позади зданий институтов Академии наук и университета. В конце улицы видна была набережная Малой Невы, светлая вода, баржи. Марья Сергеевна оглядела все шесть этажей и остановилась.